

ЕВГЕНИЯ КРЕТОВА

ЧЁРНЫЙ
Сахаон

Романтические детективы Евгении Кретовой

Евгения Кротова

Черный махаон

«Евгения Кротова»

2019

Кротова Е.

Чёрный махаон / Е. Кротова — «Евгения Кротова»,
2019 — (Романтические детективы Евгении Кротовой)

Преступления в сфере компьютерной безопасности раскрыть не просто. Мстислав Бездарь – IT-аналитик, каких в мире единицы. Дуэль с хакером, прячущимся под ником Ботаник, - его личная дуэль. На этот раз очень крупное хищение готовится во Владивостоке, на одном из предприятий края. Напряженная работа, выбор из сотен объектов, поиск следа вредоносного кода Чёрный махаон. Всё сложно. И становится ещё сложнее, когда в деле оказывается замешана женщина...

Содержание

1	5
2	9
3	12
4	13
5	15
6	17
7	21
8	23
9	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Евгения Кретьова

Черный махаон

1

Sliver grind: «Кто дебаггер¹ писал? Скажи челу – заслужил пеперони с колой».

Crush015: «спасибеще. передам»

Sliver grind: «баг не котятился из-за скобки, лишний пробел зря вставил»

Crush015: «Ясно. Блин. Че я сам не допер? теперь ок?»

Sliver grind: «баг под капотом, юзай».

Crush015: «ок, вижу уже, оплата по договоренности. Подтверди получение».

Sliver grind: «лады»

Crush015: «было круто с тобой работать»

Sliver grind: «взаимно. Отбой. Зови если что»

Контакт Sliver grind удален

(из чата популярного мессенджера)

– Мам! Ветровку-то отдай! – спохватилась Ирка, выскочила из автобуса.

Белобрысая голова в ярко-малиновой бейсболке с кошачьими «ушками» мелькнула за окном и в следующее мгновение вынырнула у двери. Слетела со ступеней к матери.

Яна шмыгнула носом, порывисто обняла дочь. Та торопливо чмокнула мать в щеку, выхватила куртку и дернулась было назад. Женщина задержала горячие ладони на детских плечах, привлекла к себе.

– Ир, ингалятор в наружном кармане рюкзака, под молнией, – дождалась, пока девочка кивнет, продолжила: – Второй пузырек в сумке, вместе с аптечкой. И два – про запас в пакете с красным худи...

Дочь поджала губы, посмотрела с осуждением:

– Зачем? Я на полсмены всего еду, на двенадцать дней, – Ирина упрямо дернула косичками, посмотрела на подругу, уже закатившую сочувственно глаза.

– Вдруг потеряешь, сломается... Ира! – она заставила дочь посмотреть на себя. – Следи за временем и не пропускай ингаляции, *пожалуйста*, – она выделила последнее слово. – В этом ничего *такого* нет. Ничего, что стóит скрывать? Из-за чего комплексовать.

Ирина нетерпеливо выдохнула:

– Мам, я не идиотка. Ты уже три раза объяснила. Я три раза поняла, – она смягчилась, еще раз поцеловала мать. – Все хорошо будет. Двенадцать дней!

В детских глазах загорелись счастливые фонарики – дочь вырывалась на свободу.

Девочка торопливо взлетела по ступенькам и скрылась в салоне автобуса. В полумраке салона еще один раз мелькнула ее белобрысая голова и тугие косички «рыбий хвост».

Яна отошла от автобуса под навес, к другим родителям. Натянуто улыбнулась.

– Первый раз отправляете? – поинтересовалась блондинка в серебристой бейсболке. Яна кивнула. – Хороший летний лагерь, мы уже третий год дочь отправляем. Не волнуйтесь!

¹ Дебаггер – от англ. «debugger» – программа, с помощью которой выполняется отладка (этап в разработке программного обеспечения, на котором выполняется поиск и исправление ошибок).

Яна не спорила. Лагерь, действительно, хороший. При художественной школе, в которую ходила Иришка уже третий год. В расписании: выход на пленэр, сложный натюрморт в графической технике, мастер-класс по новой для дочери техники батика.

И – опять же – рядом с городом, если будут проблемы, добраться – дело получаса.

И все подружки поехали.

Так она успокаивала себя, провожая взглядом автобус, на котором на две недели уехала ее десятилетняя «Саламандра».

Родители расходились, а Яна все не могла сообразить, что она собиралась делать, чем себя занять. Ведь были же какие-то планы на день. Но по привычке они все крутились вокруг семьи: мужа, Иринки, лабрадора Данте. Сейчас муж на работе. Дочь уехала в лагерь. Данте дрыхнет дома, наверняка на любимом диване Влада. На работе взяла отгул.

Целый день с тегом #время_для_себя. Неслыханная роскошь для замужней тридцатилетней женщины.

Яна неторопливо направилась к стоянке, искала глазами серебристую тойоту. Сунула на заднее сиденье джинсовку – с утра было прохладно, а порывистый ветер гнал тучи за сопки, и на прохожих уже проглядывало нежно-голубое приморское небо.

Постояв пару минут на парковке, Яна захлопнула дверцу и направилась к набережной. Здесь особенно сильно ощущалась свобода. Ветер с океана, дерзкий, нетерпеливый, острый запах йода, соли, рыбы и мокрых камней. Иногда, разбавляя привычные запахи, ветер приносил с собой аромат жареного мяса из летних кафе.

Даже у Золушки нашлась фея, которая решила за подопечную все проблемы и отправила на бал. Яна сама себя назначила собственной феей и порадовала себя пломбиром. Сладкое лакомство в хрустящем стаканчике. Шелест волн, колкий ветер, бесцеремонно выбивающий из мыслей тревогу. Что, собственно, может произойти? Вожатые о заболевании дочери в курсе, справки собраны, ребенок проинструктирован, лекарствами обеспечен.

«Все будет хорошо», – отметила про себя, устраиваясь на скамейке и вытягивая ноги. Хорошая теперь мода. Джинсы-бойфренды с драными коленками, в которых удобно и не жарко, мягкие кеды. Вместо дамской сумочки – аккуратный рюкзак, с металлическими бляхами и значками. Яна чувствовала себя подростком, прогуливающим лекции в университете.

И улыбалась.

Рядом, на открытой спортивной площадке, занимались подростки. Мальчишка лет пятнадцати, с тощими бицепсами, пытался подтянуться на турнике. Не слишком удачно.

Яна отвернулась, чтобы не смущать подростка, и встретила взглядом с ясноглазым парнем на скейте. Тот улыбался широко, открыто, чуть скривив рот, от чего на левой щеке появилась ямочка. Улыбался как давней знакомой. Словно знает о ней то, что ей самой еще не ведомо. Женщина нахмурилась, вспоминая: нет, вроде не знакомый.

Ему было чуть больше двадцати на вид. Короткая стрижка. Шатен. На загорелом лице выделялись ярко-голубые глаза. Высокий. Подтянутую спортивную фигуру не портили ни широкие джинсы-трубы, ни бесформенная худя до колен. Ни у кого из коллег или друзей сыновей такого возраста не было. Вроде бы.

Он был в компании других ребят, по виду старшеклассников. Что-то коротко обсудив, взял доску у одного из них, бросил на асфальт. Оттолкнулся, ловко разогнался, сделал резкий разворот. Передняя нога на середине доски, почти перпендикулярно направлению движения. Задняя – на кромке доски. Щелчок. Легкий прыжок и полет почти в метре от ребристого асфальта. Легко, словно ему это ничего не стоит сделать. Доска, словно вынырнувший на поверхность дельфин, накренилась, взмыла вверх, перевернулась в воздухе и, пролетев вертикально между ногами молодого человека, послушно подставила хозяину спину и с шумом приземлилась.

Не останавливаясь – новый разворот и новый трюк.

Яна наблюдала какое-то время, пока не поймала на себе изучающий взгляд молодого человека, слишком внимательный. Слишком заинтересованный.

Ветер сменил направление, закружившись вокруг молодой женщины юлой, бросив прядь волос в лицо.

Она убрала заправила ее за ухо. Отвернулась.

В крошечном рюкзаке завибрировал сотовый, она потянулась за ним.

– Янка, ну, чего, Саламандру нашу отправила? – запыхавшийся голос Влада.

– Отправила. Ты куда бежишь? – поинтересовалась, лениво играя серебристым язычком на молнии рюкзака.

– На стройку еду, – она слышала, как пискнула сигнализация на авто мужа. – Ян, не жди сегодня, буду поздно. Жданов в баню позвал.

– С девочками? – Яна хмыкнула.

Влад замешкался – открывал машину:

– С бабушками, блин. Буду раскручивать его на контракт по стадиону.

– Много не пей, – улыбнулась. – У тебя давление.

Нажала кнопку отбоя. Итак, еще и вечер свободен. Хоть прекращай выторгованный у генерального выходной и топай на работу.

– Ну, это уж ни за какие коврижки, – пробормотала, возвращая сотовый в рюкзак.

Парень со скейтом шумно притормозил, плюхнулся на скамейку рядом. Яна покосилась на него, передвинула рюкзак ближе к бедру. Подставив соленому ветру лицо, прикрыл глаза.

Присутствие постороннего так близко нервировало. Но не пересаживаться же, в самом деле. Яна вздохнула, возвращая себе душевное равновесие: у нее весь день для себя и, как выяснилось только что, весь вечер.

– Зачем такой маленький рюкзак? – голос слева, с того самого места, где пыхтел незнакомый парень со скейтом.

Яна по-кошачьи приоткрыла глаз, изогнула бровь.

– Нравится, – отозвалась лениво. И пожалела, что вовремя не пересела. Сейчас придется вставать и искать себе другое место.

– Так ведь ничего не помещается! – не унимался парень.

– М-м... А что должно?

– Ну-у, не знаю. Вода, хотя бы.

– Вода есть в машине, – Яна даже не пыталась быть вежливой.

– А штуки эти все ваши девчоночки? Помада, тени, платочки, духи, зажигалки?

– Я не курю.

– И правильно, я тоже.

Яна изобразила удивление, вежливо хмыкнула. Присмотрелась к настырному незнакомцу: вблизи он оказался старше, чем она предполагала, лет двадцать пять-двадцать шесть. Умный, цепкий взгляд. Нос с горбинкой. Волевой, немного тяжелый подбородок. Уверенный разворот плеч. Он вызывал ощущение дерзкой силы и надежности. Притягательный коктейль. «Девчонкам наверняка нравится», – отметила про себя и отвернулась.

– Когда куришь, дыhalка ни к черту становится, – парень поставил скейт на попу, любовно придерживая. Яна разглядела татуировку, идущую из-под рукава толстовки.

– Как давно катаетесь на скейтборде?

Парень криво усмехнулся, покосился снисходительно:

– Вообще, это не скейтборд, это лонгборд. Скейтборд я брал у парней, чтобы показать трюки.

– Да? А есть разница?

Парень фыркнул, засмеялся:

– А то. Скейтборд для скейтбординга, лонгборд для лонгбординга, – отозвался и сам рассмеялся еще громче. – Короче, смотри, – он ткнул пальцем в стойку с яркими зелеными колесиками: – у скейта база узкая, колесики маленькие. Доска при этом короткая. Для лучшей фиксации ног у нее загнуты оба края. В итоге – штука маневренная, но неустойчивая, с жесткой подвеской-зубодробильней. А лонгборд, – он любовно погладил край своей доски, в глаза бросился диковинный орнамент в мексиканском стиле: изукрашенный череп ядовито-зеленого цвета с черным и желтым орнаментом: – лонгборд – это корабль, это комфорт и удовольствие. Это драйв в каменных джунглях. Городской серфинг. На нем летать можно, – у парня горели глаза. – Скользить, как под парусом... Правда, для этого доска должна быть чуть длиннее, чем у меня. Разные техники скольжения, короче...

– А как назывался вот этот трюк, который вы сейчас делали на скейте?

– Хардфлип².

Яна вздохнула, повела плечом:

– Очень эффектно.

– Ну так. Я ж хотел произвести впечатление, – он многозначительно подмигнул.

Яна склонила голову на плечо, пытаясь понять: этот парень что, с ней заигрывает? Рассмеялась собственной догадке. Встала.

– Ты куда? – парень смотрел с удивлением.

Яна кивнула на парковку:

– Домой. Семью кормить.

– А ты замужем? – разочарование в голосе, светлые глаза округлились.

– Причем уже тринадцать лет.

Парень недоверчиво покосился на ее острые колени, торчавшие из джинсовых дыр, но промолчал.

Яна шла по набережной, чувствуя, как жжет между лопаток. Едва справилась с искушением обернуться.

² «Хардфлип» – англ. Hardflip – один из продвинутых трюков для скейта, представляет собой комбинацию: frontside pop shove it (шавит за спину) + kickflip.

2

Она неторопливо выехала со стоянки, свернула на улицу Светланская. Проезжая мимо Адмиралтейского сквера, задумалась: может, пойти в кино? А потом зайти в арткафе и полакомиться чизкейком и махито с малиной. Сто лет не баловала себя! Сто лет: работа-дом-командировка-самолет-дом-работа. Она свернула направо на Океанский проспект, когда поняла, что поедет в «Океан». Роскошный кинотеатр, в который Влад обещал ее сводить с самого открытия после ремонта. И все недосуг: то у него работа, то у нее командировка, то Ирка заболела. Боковым зрением уловила движение у обочины, обомлела – тот ясноглазый парень с лонгбордом, он неторопливо плыл параллельно с ее тойотой. Обнаружив, что его заметили, широко улыбнулся и показал вверх большой палец.

Яна свернула налево на Фонтанную, снова налево на Алеутскую. Парень не отставал, догонял на всех светофорах. И каждый раз, догнав, по-мальчишески открыто улыбался.

– Что за игры идиотские, – возмутилась Яна. Приоткрыв окно, крикнула: – Молодой человек, мне кажется или вы меня преследуете?

– Не кажется, – говорят, честность иногда обезоруживает. Вот и на ее, Яну, она действовала так же.

– Зачем?

– Хочу пригласить в кино, – крикнул, обгоняя и сворачивая в проулок.

Яна закатила глаза и покачала головой, закрыла окно и снова свернула на Светланскую, подъехала на парковку у «Океана».

Незнакомец догнал на лестнице: невозмутимая улыбка на лице, лонгборд на плече на манер коромысла.

– А вот и я! – сообщил радостно.

– Какая удача, – Яна внезапно остановилась: – слушай, тебе чего надо? Я, по-моему, дала отчетливо понять, что в сопровождающих не нуждаюсь.

Он смутился только на мгновение:

– Я могу понравившуюся девушку сводить в кино и угостить малиновым махито? – Яна опешила. – Тем более, что сейчас ты подойдешь к кассам и выяснишь, что трех залах идут мультики, а в аймаксе – мутная новинка, которую ты смотреть наверняка не захочешь. Тебе станет грустно, а я тебя развлеку.

Яна с сомнением на него посмотрела, зашла в здание.

Видимо, этот ясноглазый с лонгбордом наперевес, еще и пророком оказался: в трех кинозалах шли мультфильмы, а в аймаксе – сильно перехваленный блокбастер, на который время тратить не хотелось. Яна оглянулась: парень сидел на диванчиках в центре зала, деловито посматривал по сторонам, не выпуская при этом Яну из вида. Улыбался.

Она подошла к нему.

– Что, я был прав? – ясные глаза и нагловатая ухмылка.

– И как ты меня собираешься развлекать? – вместо ответа спросила и прищурилась.

Парень просиял:

– Хочешь, научу тебя танцевать?

– Танцевать?! Я, по-твоему, не умею?

От подхватил свою доску, свободной рукой подцепил Яну за локоть и потянул к выходу.

– Пошли в сторону детского парка, – предложил, – там площадка хорошая, почти ровная.

– Ты ж танцевать меня собирался учить, – Яна аккуратно выдернула руку, кивнула на площадь вокруг фонтана.

Парень усмехнулся:

– Я вообще о дэнсинге³, – он приподнял свой лонгборд. – Ща будет мастер-класс от самого Мстислава Олеговича!

– А где мы его найдем? – Яна торопливо спускалась по лестнице за молодым человеком, в которых раз радуясь, что не на каблуках и в джинсах.

Парень остановился, губы растянулись в улыбке:

– Вам дико повезло, он уже здесь, – затейливый поклон в стиле испанских кабальеро, шляпы с пером не хватает.

Яна рассмеялась:

– Так это ты – Мстислав Олегович?! Вот угораздило же тебя!

Он дернул широким плечом, будто став на пару сантиметров выше:

– Чем сложнее произносится имя босса, тем больше уважения оно вызывает, – отрезал, не оглядываясь.

Яна замерла, переваривая услышанное.

Они спустились на набережную, парень бросил доску на брусчатку, повернулся к молодой женщине. Яна наблюдала за ним с удивлением.

– Ты не так прост, верно? – догадалась.

– Не то слово как не прост, – ясные глаза подернулись синевой, скрывая на дне что-то важное.

– И чем по жизни занимаешься?

Парень замялся:

– Типа программмер, – отозвался уклончиво.

– Типа или программмер? Программист что ли? – перевела на человеческий Яна.

– Типа того, – Мстислав кивнул. А в следующее мгновение – снова движение широким плечом и простоватая ухмылка: – Давай, прыгай! – скомандовал и коротко.

Сделав шаг за спину Яны, он неожиданно толкнул ее на доску. Женщина ахнула, запрыгнула на нее правой ногой.

– Обалдел совсем? – женщина уставилась на него. Парень ловко подхватил за талию.

– Так мы легко и непринужденно определили твою направляющую ногу. Запомни, у тебя она правая, – он хозяйски похлопал ее по затылку в джинсу правому колену. – Ею и будешь направлять доску. Когда научишься менять ногу, эту будет не так важно. Ясно?

– Ясно, – пробурчала Яна, сглатывая с талии чужие руки.

Парень криво усмехнулся, левая бровь смешно изогнулась дугой.

– Не советую дергаться, – предупредил. – Ты без защиты, с драными на коленках джинсами. Грохнешься, мало не покажется. Но *я* предупредил.

Молодая женщина с сомнением посмотрела на протянутую ладонь вверх руку: длинные пальцы, мелкие царапины на подушечках, пара застарелых шрамов. Крепкая ладонь мужчины, не знающего отказов.

– Ну, Мстислав Олегович, надеюсь, оно того стоит, – проговорила, вложив свои пальцы.

– Не узнаешь, пока не попробуешь, – прищурился, бросил короткий взгляд на набережную. – Отталкивайся левой, почувствуй, как доска плавно движется по асфальту, – он позволил Яне проехать несколько метров. – Чем ниже центр тяжести, тем уверенней себя чувствуешь во время езды.

– Это присесть? – уточнила Яна.

– Это даже прилечь, если надо, – поймав ее удивленный взгляд, отмахнулся: – До даунхилла и фрирайда⁴ тебе далеко, так что не парься... Теперь смотри. Ставишь ноги между бол-

³ Dancing (Дэнсинг) – один из самых популярных направлений езды на лонгборде. Райдер переставляет ноги по доске в процессе движения, как бы танцуя на ней. Выделяется Crosstep – «прогулка» вдоль доски (от ее хвоста части к носу) с постановкой ног крест-накрест. Часто при этом выполняются развороты на 180 или 360 градусов.

⁴ Downhill (Даунхилл) – один из самых экстремальных и опасных для жизни райдера стилей катания на лонгборде. Пред-

тами, – не выпуская ее ладони, он присел, чуть стукнул по оголенным щиколоткам Яны, заставив расставить ступни чуть шире. – Болты – это, объясняю для тех, кто в танке, – фиговины, которые держат подвески. Ставишь немногим больше ширины плеч. Вот так, – он встал в полный рост, показал. – Наклоняешь свою направляющую ногу немного вперед, примерно под углом сорок пять градусов. Вторую ногу ставишь перпендикулярно доске и направлению, в котором двигаешься.

Он все это ловко демонстрировал, из-за чего прохожие оглядывались на них. Яна смущалась. Отчего-то подумалось, что кто-то может застать ее за этим странным занятием с этим непрым парнем неопределенного возраста и занятий.

Каменная плитка набережной качнулась и оставила замершего парня с труднопроизносимым именем где-то позади. Яна расставила руки, присела и неловко отставила поясницу. Коротко взвизгнула, пытаясь удержать равновесие.

Доска, попав на наклонную плоскость, мягко тянула ее вниз по едва заметному невооруженным глазом склону. Угол наклона минимальный, но ей и того было достаточно. Не сообразив, как затормозить – этот выскочка ей не показал, как это делать, – Яна не нашла ничего лучше, чем просто визжать. Тонко. Громко. На одной ноте.

– Помоги! – конечно, она напрочь забыла, как его зовут. – Как там тебя?! СЛАВА!

Сильные руки подхватили за талию, приподняли над лонгбордом.

– Ты чего орешь-то? – ясные глаза и снисходительная улыбка. – Скорость – два чебурашки в секунду. Я тебя пёхом догнал.

– На землю поставь, – Яна болтала ногами, упиралась в его предплечье.

Парень криво усмехнулся, на дне светло-голубых глаз мелькнул интерес. Он разжал руки. Оказавшись на земле, Яна воинственно отпрянула, оправила футболку и съехавший с плеч рюкзак.

– Идиотизм, – пробормотала под нос. – Мне пора, – сделала шаг в сторону. – Спасибо за мастер класс.

Махнув рукой, направилась к парковке.

– А я еще кросс-степ хотел тебе показать! – крикнул вдогонку.

– Подружке своей покажи! – бросила, не поворачиваясь.

По-детски получилось, конечно. Вроде как испугалась. Но, с другой стороны, она тоже не подросток, чтобы вестись на такие уловки. Как-никак глава правового департамента крупнейшего банка Приморья, заместитель генерального директора с правом подписи.

Она неторопливо добрела до стоянки, завела с пульта серебристую Тойоту – та мигнула приветливо, заурчала. К счастью, настырный парень с непроизносимым именем отстал. Яна выдохнула свободно и направилась домой.

полагает свободный спуск с горы. Скорость движения часто превышает 100 км/ч. Freeride (Фрирайд) – езда на лонгборде по любой асфальтированной поверхности. Предполагает выполнение множества маневров, чтобы преодолеть препятствия на пути. Необходимо научиться ездить неудобной ногой вперед («свитч»), слайдить (скользить, выполнять управляемый занос) и выполнять много разных стоек от высоких и до очень низких – почти лежа.

3

Мстислав смотрел в спину удаляющейся женщине. Чуть вздернутый нос, походка пружинистая, как у подростка, но в то же время уверенная в себе. Станный, невероятно привлекательный коктейль, острый и манящий. Хотелось ее догнать. Потому что встретить ее еще раз – удача, на которую не стоит рассчитывать.

В кармане завибрировал сотовый. Молодой мужчина, не сводя глаз с незнакомки – черт, он даже имя ее не спросил! – схватил трубку и рванул за девушкой.

– Ты где? – суровый голос заставил остановиться.

– У меня отгул, если что... А чего случилось? – Мстислав встал на лонгборд, поплыл к стоянке. Он видел, как *она* подошла к своей машине на парковке. Серебристая тойота королла 568 АЗУ, судя по корпусу, этого года выпуска.

– Ботаник объявился.

Мстислав резко свернул на обочину, затормозил:

– Когда?

– Тарасов прислал рапорт: три дня назад облегчили счета Добробанка. Восемь лямов как с куста.

– Почерк стандартный?

– Да, все по схеме. В хвосте кода финальной транзакции – *rapilio machaon*⁵. Когда будешь в Управлении?

Мстислав с сожалением проводил взглядом серебристый бок заветной тойоты, вздохнул:

– Да щас, подрулю. Слушай, Леха, – он прищурился, дернул мочку уха: – пробей пока номерок для меня. 568 АЗУ, серебристая тойота королла, ориентировочно две тысячи девятнадцатый год выпуска.

– Праворулька?

– Не-е, европейка.

– Сделаем. Славка, мимо магазина будешь рулить, пожрать зацепи че-нить. И кофе. Только нормальный возьми, не как в прошлый раз, пыль бразильских дорог.

Мстислав отправил собеседника нафиг, нажал кнопку отбоя. С тоской оглянулся на опустевшее парковочное место незнакомки. Запрыгнув на доску и двинул к перекрестку.

У него все под контролем. Серебристая тойота только думает, что сбежала от него.

⁵ *Rapilio machaon* – латинское название черного махаона.

4

Crush015: «прога у меня, завешаем отладку. Линки работают на отл»

Darker.: «кодер зачищен?»

Crush015: «да. Претензий нет, оплата прошла».

Darker: «Сколько теперь надо для запуска?»

Crush015: «пара дней при наличии базы»

Darker: «База имеется».

Crush015: «Тогда ок – пара дней. Схема без изменений?».

Darker: «Без. Чика в деле»

Crush015: «Крутяк»

(из чата популярного мессенджера)

Сунув под нос дежурного пропуск и перескакивая через две ступени, он взлетел на третий этаж. Доска на правом плече на манер коромысла, пакет из супермаркета – в левой. Пропуск зажат в зубах.

– Здорово, Карабас, – слева подлетел низкорослый брюнет с залысинами, по-свойски хлопнул по плечу.

Мстислав промычал многозначительно, кивнул и, надавив на рычаг локтем, открыл дверь и нырнул в кабинет: четыре рабочих места, мониторы, черные платформы клавиатур, принтер, сканер, телефон. Его обиталище последние три месяца. Зато вид на залив шикарный.

Брюнет покачал головой, зашел за ним.

– Я уж думал помирать с голоду придется, – проворчал. – Я, кстати, пробил твою тачку, на мужика какого-то зарегистрирована, Владислав Владимирович Петров. На адрес регистрации.

Мстислав сунул протянутую бумажку в задний карман джинсов, пристроил доску за сейф, полиэтиленовый пакет – на ближайший стол, прямо поверх помятых черновиков. Красную корочку сунул накладной карман на джинсах, под клапан.

– Много и часто жрать вредно, Леха, – деловито сообщил.

– А я не закусываю, – брюнет уже шелестел пакетом, вытаскивал и складывал аккуратной пирамидкой тушенку, банку маринованных помидоров, батон нарезного и палку колбасы. На запах подтянулись Мишка Фомин и Китяев Данил, зашумели:

– О, свежая столичная кровь пожаловала!

Мишка уже достал из сейфа разделочную доску и нож, ловко кромсал колбасу и хлеб. Леха откупорил банку с помидорами, блаженно принимался. Покосившись на коллег, Китяев задвинул дверную защелку.

– Ну, чего там с Ботаником? – Мстислав присел на край подоконника, стянул через голову толстовку, размял плечи.

– Вон, позырь в зеленой папке у меня на столе, – пробасил Леха, проглатывая бутерброд и шелкая выключателем чайника. – Ты был прав, долго не высидел. Только ник сменил. Теперь он Sliver grind.⁶

Мстислав нахмурился:

– Типа «зануды кусок»? С чего вдруг такое самоуничижение? – он потер шею, прочитал распечатку. Скривился: – Мужики, это не он.

Китяев и Фомин перестали жевать, переглянулись.

⁶ Sliver grind (англ.) – в данном случае «sliver» – ветка, отросток, «grind» – ботаник (пренебрежительно, сленг), зубрила.

– Ты это прекращай! – Леха рассовал чайные пакетики в четыре кружки, залил кипятком, бросил по три куска сахара в каждую. – Начальство просто так ориентировки спускать не будет, знаешь ли.

Мстислав покачал головой:

– Ну, я под вашим начальством не хожу. Поэтому говорю, как вижу – мой Ботаник «куском» себя не назовет даже в шутку. Он себя артистом считает, художником, чуть ли не Творцом, – он снова покачал головой.

– Ты говоришь о нем, как небожителя каком-то, – Китяев холодно скривился. – Это просто хакер.

– Сам ты хакер, – Мстислав раздраженно скривился. – Ты считаешь, что гении криминального мира только в романах Конан Дойля бросают вызов сыщикам? – Мстислав вернул зеленую папку на стол, скрестил руки на груди: – Он и след оставляет спецом, понимаешь? Играет. И до сих пор выигрывает.

Парни притихли, даже перестали жевать. Снова переглянулись:

– Может, правду, не он? Или под ником «Ботаник» скрывается группа кодеров?

Мстислав задумался:

– Покажи прогу, где Ботаник светанулся по мнению вашего начальства.

Леха, не расставаясь с кружкой, вывел монитор из сна. Загорелся синим экран со скриншотом: бело-голубые значки по всему полю. Цифры, косые полосы и пробелы чередовались с латинским буквами и пустыми квадратами. Понятный лишь специалистам язык.

Мстислав прогнал оперативника из-за стола, занял его место. В глазах обострилось что-то хищное. Пальцы торопливо побежали по черным кнопкам. Стрелка вниз, колесико компьютерной мыши послушно вертелось под ловкими пальцами.

Парни наблюдали молча, изредка поглядывали друг на друга. Вытянув шею, наблюдали за происходящим на экране монитора.

– Ну, че? Знакомо? – Фомин подошел, замер у стола.

Мстислав откинулся на кресле, закинул руки за голову:

– Не он.

– Почему тогда код совпадает? *Papilio machaon*?

Мстислав покрутил кружку в руках, отпил горячий, приторно-сладкий напиток. Взгляд выхватывал из ровных строчек отдельные символы, мозг складывал и перебирал их, как океан прибрежную гальку.

– Мне кажется, он спецом подослал салажонка, чтобы мы на него клюнули и стали под него копать. Прощупывает почву, – он перевел взгляд на ребят. – Готовится что-то крупное, мужики.

5

– То есть ничего, кроме собственных предположений, вы нам сообщить не можете? – руководитель следственно-оперативной группы, капитан Тарасов Александр Васильевич, невесело улыбался из-за чего еще сильнее напоминал грустную ворону.

Мстислав расставил локти широко, почти лег на стол:

– Пока не могу, – согласился. – Потому что пока нечего. Мы проверяем все каналы, по которым Ботаник может засветиться. Но, зная его по предыдущим делам, он осторожен. Бросив нам этого Сливер гринда, как кость дворовой собаке, он ушел на дно. На другие серверы, на другой язык программирования, на другие заказы, – молодой человек поправил запястья на запястьях. – Анализируя его деятельность по заправкам и хищениям с сотовых, я пришел к выводу, что Ботаник редко использует одну и ту же схему на все сто процентов. Но! Некоторая часть кода сохраняется. Частично специально, как подпись, своего рода черная метка. И это известная вам часть кода *parilio machaon*. Остальное – это его личный маркер, привычка, если хотите, – Мстислав поймал недоумение в глазах присутствующих, усмехнулся криво: – Ну, не знаю, как вам это на пальцах объяснить, – он запрокинул голову, посмотрел в потолок: – Вот вы, Александр Васильевич, как чай попьете, использованный и выжатый пакетик возвращаете в кружку, – присутствующие оперативники усмехнулись, спрятали улыбки. – Это ваш личный маркер, привычка. А у Ботаника нашего – скобки, расставленные специфически. И вот отсутствие этих скобок в вашем вчерашнем найденныше и говорит, что это не Ботаник. А тот, кто под него «кбсит» или самостоятельно, что нам по барабану, поймать салажёнка не составит труда. Или с ведома Ботаника, что хреново.

– Ты смотри, какие аналитики кругом, – беззлобно нахмурился капитан. – Мстислав Олегович, скажи на милость, дорогой, я твое слово и чутье как к делу пришью?

Семь пар глаз уставились на программиста с разной степенью раздражения. Только Мишка Фомин понимающе улыбался – в совместной следственно-оперативной группе он представлял технических специалистов местного, Приморского Управления, на московского коллегу из крупнейшего в России экспертного центра смотрел уважительно. Тем более уже «пробил» по своим каналам реальные подвигу нагловатого программиста. Это он был в группе безопасников, которая раскрыла «хищение тысячелетия». Того самого, когда со счетов азиатских банков должны были списаться миллиарды долларов. Этот простоватый и улыбчивый парень – не просто талантливый программист. Он ай-ти аналитик, которых в *мире* раз, два и обчелся.

Мстислав пожал плечами:

– Можете заказать экспертизу у моего работодателя. Это займет время, зато будет, что подшить к делу, – парень независимо огляделся. – Меня включили в вашу следственную группу для оперативного реагирования на поступающую информацию, чтобы эксперт у вас был под рукой. Если вы все мои заключения будете проверять специалистами центрального офиса, то, полагаю, необходимость моего присутствия в составе оперативной группы, отпадает... Я могу не париться и вернуться домой.

– Ну-ну, не кипятись, – примирительно вздохнул капитан. – Ты меня тоже пойми, Мстислав Олегович: у меня ориентировка и данные о готовящемся хищении в особо крупном размере. С применением технологий, которые мне, старому оперативнику, – он тихо ругнулся, подбирая небранное слово, – мягко говоря, не близки. И руководство ждет результатов. А у меня этих результатов как не было, так и нет. Вон, – он кивнул на угловатого парня в синем прокурорском мундире, – коллеги из смежного ведомства уже галочку поставили, рапорт подали, мол-де нашли след. А ты говоришь, что не след это, а так, собачья какашка.

Молодой человек охотно кивнул:

– Она самая. Ключете на Сливер гринда, два к одному, Ботаник это узнает и уйдет на дно. И либо изменит схему, или поменяет код, или уйдет в другой регион. И черта с два вам удастся предотвратить это ваше хищение в особо крупном размере. И ничего потом не найдете. Так что пусть ждет ваше смежное ведомство. Не облысеет, – он прищурился и посмотрел на тощего представителя прокуратуры: – Не облысеет ж, нет?

Прокурор побагровел. На помощь московскому коллеге пришел Миша Фомин:

– Я согласен с представителем экспертного центра. Код, действительно, выглядит как подделка, это утка, задача которой заставить нас себя обнаружить и пустить по ложному следу.

Руководитель следственной группы хмуро задумался. Ему было сильно за пятьдесят. Он – старый оперативник, в бытность которого кассиры считали наличность на деревянных счетах. И никаких тебе биткойнов. Никаких программных кодов и эксплойтов. За последний месяц работы над этим делом он узнал столько иноземных слов, сколько не изучал в школе на уроках английского.

И чувствовал себя безнадежно устаревшим.

– То, что мы определили регион, в котором будет действовать Ботаник, это уже многое, – наконец, проговорил он. – Мстислав прав, его нельзя спугнуть. Мы должны поймать его с поличным. За руку. Или что там у него вместо нее. По сему, – он окинул взглядом коллег. – Группе Кистяева поручаю начать оперативные мероприятия по поиску и выявлению Сливер гринда. Себя не обнаруживать, действовать аккуратно. Фомин, ты контролируешь техническую сторону оперативных действий. Поработайте с местными хакерами, послушайте, что говорят, пошуршите в подворотнях.

Мстислав внимательно посмотрел на Данилу Кистяева, перевел взгляд на насупившегося Фомина и покачал головой.

6

– Яна Владимировна, ты можешь отчет шефу передать? – Халилов заглянул в кабинет. Яна прищурилась:

– А сам что?

– А сам я отбываю в ежегодный и, прикинь, оплачиваемый, отпуск, – начальник департамента кредитования широко улыбнулся, явно уже мысленно грея потяжелевшее пузо на балийском солнышке. – Он его вчера без твоей визы не принял. А у тебя был вчера выходной.

Яна кивнула: новая фишка генерального – все документы и отчеты проходят через правовую службу и попадают на его стол только с визой начальника правового департамента. Ее, Яны, визой. Будь то кадровые решения, закупки фломастеров, смена клининговой компании или рационализаторское предложение операторов из операционного зала.

Халилов многозначительно выставил указательный палец в потолок:

– Твой уровень влияния на Папу растет день ото дня. Будь внимательна – найдется кто-то, кого это не устраивает.

Яна ухмыльнулась:

– Я внимательна. Настолько внимательна, что не собираюсь прикрывать твою задницу и сдавать вместо тебя твой же отчет, – она ослепительно улыбнулась. Халилов насупился, присел к брифинг-приставке. Сложил руки перед собой.

– Ян. А я тебе с моря привезу коллекцию ракушек, – он с видом профессионального подхалима сделал брови домиком. Яна захохотала:

– Тьфу на тебя! Я еще не разгребла те, что ты привез с прошлого отпуска!

Халилов встал, торопливо двинул к двери:

– Тогда я тебе сейчас пришлю по локалке, чтобы тебе не пришлось меня возвращать из аэропорта, вдруг ты захочешь что-то исправить.

Яна вскинула голову:

– Мерзавец, ты уже сегодня отчаливаешь, что ли?

– Я специально высчитывал день начала отпуска, чтобы Егор Борисыч не имел шансов вернуть меня назад! Более того, – он понизил голос до заговорщицкого шепота: – я планирую также «забыть» телефон дома!

Яна покачала головой:

– Мне хоть номер сообщи. Мало ли!

– Ага. Обязательно, – по тону Яна поняла, что никакого телефона ей не скажут, и в случае чего ей придется разгребать самой.

Халилов исчез за дверью, а через несколько секунд иконка локальной сети уже мигнула принятым сообщением: три кланяющихся эмодзи и файл в скрепке.

Обычный день. Обычная рутина. Звонок Иринке в обед. Дочь коротко, без приветствия отпартовала:

– Все нормально, лекарства пью по расписанию, ничего не потеряла, все работает, трусы нашла, свежие носки надела, футболку погладила. Кепку не снимаю. Жру все, что дают.

– Ир, ты хоть по нам скучаешь? – Яна посмотрела на хмурое небо – с залива опять надвигались потяжелевшие тучи.

– Скучаю, – с готовностью соврала Ирина.

Яна попрощалась. Вздохнув, набрала мужу – короткий сигнал, сброс и голос автоответчика: «К сожалению, я сейчас занят. Перезвоню при первой возможности».

– Чем же ты там занят? – Влад не вернулся ночевать домой, и Яна уже беспокоилась: хоть это и случалось ранее, но все равно – тревожно. Мало ли – давление прихватило, плохо

стало. Может, он уже в больнице, а нерадивый персонал сбрасывает звонки, чтобы не звенело в ординаторской?

Пискнуло принятое сообщение: «Жив, здоров. Пьян. С бабами. Влад».

– Не семья, а сплошные юмористы, – Яна отложила сотовый, уткнулась в исковое. В этом году особенно много по взысканию невозвращенных кредитов. Конечно, все типовые. Но расчеты приходилось проверять, сразу выставлять суммы, которые суд удовлетворит – по постановлению Пленума. Появились юрлица – неплательщики. Парочка довольно крупных, которыми пришлось заниматься самой.

Усталость подкралась к пяти часам. Яна откинулась на спинку кресла, аккуратно, чтобы не испортить макияж, помассировала веки. Егор Борисович вызвал к себе:

– Яна Владимировна, зайти. И халиловский отчет захвати, он сказал, что уже тебе оставил.

– Ч-черт, – Яна поморщилась: она про него совсем забыла, даже не распечатала.

– Не передал?!

– Нет-нет, передал, Егор Борисович, переслал даже. Я его не распечатала...

Шеф неодобрительно крякнул:

– Хорошо, завтра утром занесешь тогда.

– Не заходить тогда?

– Завтра.

И отключился, а Яна нажала на значок в виде скрепки в окошке локальной сети.

Файл мигнул, открываясь, и выдал крякозябру из нечитаемых символов.

Яна тихо чертыхнулась, повторила попытку – результат тот же: цепочка квадратиков, косых черт, словно рожицы упомянутого чертика. Набрала номер Халилова по внутреннему: длинные гудки.

– Вот зараза, неужели сбежал уже? – пробормотала под нос, набирая номер офис-менеджера: – Катя, Халилов уже самоликвидировался?

– Да, Яна Владимировна, ушел пятнадцать минут назад.

Яна закатила глаза, потянулась за сотовым в безнадежной попытке дозвониться до новоиспеченного отпускника: «Аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети». – Вот паразит!

Она уставилась на файл, подумав, набрала по внутреннему сисадмина.

– Горн на проводе, – писклявый, как у подростка, голос начальника отдела.

– Андрюш, это Зимина, тема есть печальная. Я тут подвязалась на гуманитарную помощь и огребла нешуточный трабл. Если ты меня не спасешь, то Федотов завтра утром вздернет мое бездыханное тело на рее.

Горн тихо хохотнул:

– Внимаю, готов лицезреть масштаб трагедии.

Яна улыбнулась. Кажется, сисадмины, вне зависимости от возраста, из другого теста делаются. Но, пообщавшись с ними, она будто сбрасывает с плеч десяток лет. И почти на одном языке может говорить с подрастающей дочерью – все вот эти «есть тема», «трабл», «огрести» вертели на языке, вылетая с силой летнего тайфуна.

– Халилов перед отпуском сбавил мне отчет под предлогом согласования, а он, гад, не открывается, – Яна играла шариковой ручкой, скатывала ее по обложке ежедневника как с горки.

– Ну, тащи сюда свой файл.

– Как я тебе его скопирую, если он в локалке висит и не распознается?

Она чувствовала, как Горн напрягся, соображая:

– Ты так и скажи, что тебе зад поднимать лень, – отрезал. – Ладно, ставьте чай, играйте в бубен. Иду.

Яна щелкнула выключателем чайника, аккуратно сложила бумаги, прикрыла от посторонних глаз. Много лет назад смотрела фильм с Высоцким в главной роли, и на всю жизнь запомнила движение, которым его герой, Глеб Жеглов, закрывал папку с материалами дела, когда кто-то подходил к столу. Конечно, на ее столе – не уголовные дела, но материалы с персональными данными. А за это тоже можно огрести в наше время.

Дверь широко распахнулась, впуская начальника отдела информационной безопасности и системного администратора, Горна Андрея Ивановича. Высокий, с седыми висками и демонстративным пренебрежением к офисному дресс коду, компьютерщик мог сойти за престарелого дизайнера или фотографа: худой и длинный, с вечно томным взглядом осознания всех человеческих грехов. Он стремительно пересек кабинет, движением руки будто смахнул Яну с рабочего кресла, плюхнулся с разбега на ее место:

– Давай, показывай, что у тебя, – спросил, уже дергая мышку и активируя экран. Яна встала рядом, открыла локальный файлообменник. Горн недовольно ткнул на присланный Халиловым отчет, убедился, что тот не открывается. Залез в свойства файла, посмотрел исходные данные, расширение, кодировку.

Яна поставила перед ним чашку свежесваренного чая с жасмином. Горн поморщился:

– Знаешь же, что я с жасмином не пью.

– А нет у меня другого. Чего с отчетом? Спасешь?

– А хэзе. Все у тебя открывается, – нахмурился Горн. – Только не читается ни хрена. Я его заберу себе, покумекаю на своем железе. Перезвоню.

И так же стремительно выскочил из кабинета, не взглянув на прозрачный чайник с расцветающим белоснежным цветком на дне. Яна наполнила себе чашку, замерла у окна. Пальцы уютно грелись о гладкие бока кружки, тонкий аромат пробирался за жесткий воротник офисной блузки, касался напряженных плеч, щекотал ноздри. Над заливом опять серебрились вислоухие тучи. Море хмуро перебирало прибрежную гальку, шелестело всеми ветрами. Яна вздохнула. Хотелось в отпуск. Как Халилов. Чтоб с выключенным сотовым. И ноутбук чтобы дома «забыть».

На столе пискнул телефон.

– Алло, Яна Владимировна, – высокий голос Горна. – Дело твое дрянь, труба и катастрофа. Не открывается твой файл. Проблема с сертификатом цифровой подписи. А это без Халилова я даже исправить не могу.

– Черт, – Яна нахмурилась, представляя завтрашнее совещание.

– Спроси у девок в его отделе. Не сам же он отчет строчил. Наверняка есть литраб, у которого хотя бы черновики остались, – предположил Горн.

Яна кивнула и тут же покачала головой:

– Вряд ли. Этот отчет он сам должен делать. У девочек могут быть только исходные цифры. Спрошу, конечно, – она бросила взгляд на часы: – завтра, как на работу прибегут.

Уныло повела плечом, покосилась на стопку неразобранных дел. Захотелось домой. Представилась теплая ванна с лимонной пеной, горячий шоколад, бесформенная флисовая пижама и носки. Она решительно скопировала несколько папок с рабочего стола на внешний диск. Подумав, отправила на него же и халиловский отчет – вдруг на домашнем компьютере откроется все-таки.

Внешний накопитель мигнул синим, принимая файлы... И исчез из реестра дисков.

– Не поняла, – Яна закрыла и снова открыла папку с документами: пусто. Компьютер перестал видеть ее накопитель. – Ну, вообще черт знает что такое!

Она прикинула, сколько важной информации покоится там, на невидимом сейчас диске, получалось слишком много, чтобы не расстроиться. Горн уже тоже не отвечал, или ушел домой или в курилку. Яна подождала немного, набрала повторно, но подростковый голос начальника отдела информационной безопасности так и не услышала.

Она вышла из офиса под морозящий дождь. Добравшись до машины, включила печку на максимум, подставила продрогшие пальцы к сетке обогревателя.

Если бывают в жизни неудачные дни, то сегодня именно он.

7

Яна долго парковала новенькую тойоту во дворе своего дома: сосед на своем круизере-танке, опять занял полтора парковочных места.

– Раскорячатся тут со своим железом, – ворчала, протискиваясь между машинами: сумочку зажала под мышкой, пальцы неудобно держали пакет с продуктами: надо было сунуть в багажник, не пришлось бы сейчас мучаться.

– Тебе помочь?

«Этот. Как его? Вчерашний. Мстислав Олегович!» – от неожиданности пакет выскользнул из рук, перевернулся. Из белого полиэтилена вырвались врассыпную яблоки, закатились под соседское авто.

– Ты чего яблоками разбрасываешься? – он криво усмехнулся, полез под машину, спас с десяток плодов, сунул в пакет. Одно яблоко энергично вытер о рукав толстовки, надкусил.

Яна поморщилась:

– Вы как здесь оказались?

– Мимо проходил, – не моргнув глазом, соврал вчерашний знакомый.

Яна забрала у него пакет, деловито прошла мимо:

– Ясно. Всего хорошего.

«Как он узнал, где она живет?» – бросило в жар. По спине пробежал липкий холодок. Женщина с опаской оглянулась.

В висках застучало: он же вроде программист. Яна вспомнила, что накопитель вообще не отзывался на рабочем компьютере. Может, этот парень поможет с идиотским файлом? «Конечно, можно и Влада попросить, он вроде разбирается, – мысли в голове неслись на крейсерской скорости, путались и насакивали одна на другую. – Но Влада еще нет и не известно, когда он сегодня появится».

Она медленно развернулась и встретила с вопрошающе-удивленным взглядом. Парень с непроизносимым именем, присев на капот ее собственной тойоты, доедал ее же яблоко и смотрел так, словно она только что сморозила жуткую, непростительную глупость, а он великодушно сделал вид, что не заметил.

«Может, правда, сморозила?» – мелькнуло в голове.

– Ты вроде говорил, что соображаешь в компьютерах, – начала издали.

В глубине ясно-голубых глаз словно горячие уголья разожгли.

– Соображаю немного, – уклончиво отозвался. – Чего надо-то? Пароль от ВКонтакте потеряла?

Яна уставилась на него, с сомнением разглядывая ироничную физиономию, будто взвешивая увиденное.

– Ладно-ладно, шучу я, – парень примирительно воздел к потяжелевшему небу руки. – Говори, в чем трабл.

– У меня файл не открывается. Важный. С отчетом: коллега уехал в отпуск, а меня оставил отдуваться перед начальством. А начальство жаждет получить этот отчет завтра на утренней планерке. И при копировании на внешний накопитель, тот тоже завис. Может, вирус какой, может ошибка.

Парень посерьезнел:

– Гм, ясно. Тут смотреть надо.

– Мой компьютер подойдет? Для «смотреть», – Яна неуверенно переминалась с ноги на ногу, чувствуя себя под этим внимательным и ироничным взглядом школьницей.

Мстислав покачала головой.

– Спорим, у тебя нужной проги все равно нету? Смысл тратить время? Поехали ко мне.

Яна покосилась на пакет с продуктами, в котором таяли пельмени и котлеты:

– Давай, я пакет домой заброшу?

Он лениво протянул:

– Валяй.

Яна торопливо вбежала в квартиру. Из Иришкиной комнаты, цокая когтями по ламинату и растягиваясь на поворотах, вылетел Данте.

– Опять на диване спал? – женщина беззлобно потрепала ошалевшего от радости пса за ухом. – Иди, иди пока. Рано еще. Я сейчас по делу смоюсь, потом пойдем гулять. Понял?

Лабрадор плюхнулся на задние лапы, расплылся в недоверчивой улыбке. Хвост безудержно бился по тумбе: на полке что-то жалобно задребезжало.

– И есть тоже еще рано!

Пес вздохнул, вытянулся на полу, положив несчастную морду между передними лапами и приняв хвост к туфлям хозяйки.

Сбросив неудобную офисную обувь, проскочила в кухню, сунула продукты на полки: Данте терся палевым боком, совал нос в каждый пакет и проверял решимость хозяйки не кормить его на прочность. Яна не выдержала, разорвала пакет с замороженными котлетами, сунула ему на открытой ладони одну круглую как таблетка:

– Но больше не проси, – отрезала.

Воспользовавшись передышкой пока Данте доедал, причмокивая, лакомством, решила переодеться. Обойдя лабрадора, отправилась в спальню. На кровати валялись вещи Влада: мягкая рубашка, брюки и небрежно брошенный пиджак. Те, в которых он вчера уехал в баню. Получается, муж заезжал домой, чтобы переодеться, а ей так и не перезвонил. Она застыла, закусив губу. Автоматически гребла, чтобы отправить в корзину с грязным. Похлопала по карманам – Влад часто оставлял в них то бумажник, то визитницу, то ключи от кабинета. В этот раз ничего, кроме мелочи. И тонкого запаха незнакомых женских духов.

Яна нахмурилась, боязливо принялась, совсем как Данте, встречая незнакомое. Смятение в глазах сменилось раздражением – ну, что она, в самом деле, будет обнюхивать одежду мужа, осматривать на предмет чужих волос или губной помады?! Сто лет назад они договорились – если кто-то из них разлюбит, то второй узнает об этом первым. Все. Точка.

Она решительно бросила вещи Влада в ящик для грязного белья, стянула неудобные брюки. Запрыгнула в джинсы. Захватив в вешалки джинсовку, выскочила в коридор, на ходу поправляя волосы. С наслаждением нырнула в кеды.

Данте с любопытством выглянул из кухни, облизываясь. Подкрался к хозяйке, пока та зашнуровывала обувь, ткнулся мокрым носом в щеку:

– Скоро буду, не скучай, – Яна похлопала его по загривку. – И пожелай мне удачи.

А про себя подумала: «Если этот, как его там, Мстислав, диск спасет и файл ей откроет, то вообще, считай, счастье!»

8

Его дом оказался в пятнадцати минутах езды. Чистый, аккуратно причесанный двор с яркой детской площадкой, игровым домиком и ровными рядами скамеек на огороженной территории.

Мстислав велел припарковаться у первого подъезда:

– Там дальше выезд неудобный, – пояснил, выпрыгивая из Яниной тойоты.

Яна замешкалась:

– Наверно, это не очень удобно... Давайте, я здесь подожду, в машине, – она вцепилась в черный пластик руля как за спасательный круг.

Он криво усмехнулся, потянулся за своим лонгбордом, примостившимся на заднем сиденье:

– Не парься. Пошли!

Новый, еще пахнувший краской подъезд, семнадцатый этаж.

Парень толкнул дверь, пропустил гостью вперед, спрятав в уголках губ улыбку.

Яна вошла, замерла на входе. Огромная студия. Окна в пол, серебристые стены с узкими, как кошачий глаз, зеркальными вставками. Матовые шары-плафоны. На грифельно-сером – единственной яркое пятно: белоснежная кровать. С удивлением покосилась на странного парня: кто он, в самом деле?

Мстислав аккуратно обошел ее, не задев. Нырнул за перегородку, формально отделявшую его рабочее место – четыре монитора одновременно мигнули, по синему фону пробежала радужная строка приветствия: «Ad cogitandum et agendum homo natus est».⁷ Яна еще внимательнее окинула взглядом фигуру нового знакомого, задержалась на модной стрижке с выбритым затылком, мазнула взглядом по широким плечам.

– Давай сюда свою бутявку⁸, – он неожиданно обернулся, встретился с ней глазами, усмехнулся. Яна смутилась. – Кофе не пью, поэтому не предлагаю. Если что-то хочешь, то кухня прямо. Все, что найдешь в холодильнике – твое. Или вон, на кресло садись, телек включи. Мешать не будет.

Он отвернулся. Кажется, даже забыл о ее существовании. Надпись приветствия на латыни сменилась веером иконок рабочего стола. Из колонок грянула мощная барабанная сбивка, саданув по ушам. Парень автоматически убавил громкость, устроился за огромным, с выдвижными секциями и бюро, компьютерным столом. Будь Яна хоть немного более сведуща в программировании и компьютерах, она бы узнала о хозяине квартиры если не все, то очень многое. Но она была непродоходным гуманитарием, поэтому скопище бумаг и носителей информации восприняла как бардак.

По квартире колотым горохом посыпались рваные, как чечетка, звуки от клавиатуры. Пальцы парня с труднопроизносимым именем легко касались квадратных кнопок, порхали над ними, будто подхваченные ветром бабочки.

Яна неторопливо прошла в комнату, огляделась. Грифельно-серые стены, матовые стекла, зеркала, минималистичная мебель. Ни одной вещи не на месте. Даже ношенный футболок на кресле не обнаружилось. Стерильный порядок квартиры олигарха или непродоходного педанта.

– Вы... Ты один живешь? – женщина посмотрела в его напряженную спину.

– У-гу.

⁷ Ad cogitandum et agendum homo natus est – (лат.) человек рожден для мысли и действия.

⁸ Бутявка – (сленг) – загрузочная дискета, компакт-диск, флешка.

– Ты, видимо, не часто бываешь дома, – предположила. В ее голове никак не складывался образ этого парня, это беспокоило, не давало мыслям переключиться на что-то другое. Экстремал на лонгборде, выделяющийся трюки под аплодисменты малолеток-старшекласников, должен был жить в неприбранной холостяцкой берлоге, в которой на столе – остатки вчерашней пиццы, а на полу – бутылки из-под пива. А в качестве приветствия на мониторе должно было красоваться что-то из Assassin's Creed или Warcraft. Но только не знаменитое римское изречение. Еще и на латыни.

Она опустилась в кресло, поглядывая из-за плеча нового знакомого на экран. На синем фоне мелькали ровные ряды цифр и значков.

– Почему «не часто»? – он неожиданно развернулся вместе с креслом, уколол взглядом.: – А кто такая Яна Владимировна Зимина?

– Зимина́, – автоматически поправила. – Это я. А что такое?

Глаза на мгновение сощурились, в светло-голубой глубине вопрос сменился удивлением.

– Ты вроде говорила, что файл тебе коллега сбросил, – пристальный взгляд в переносицу.

Яна передернула плечом, сбрасывая с плеч цепкий интерес.

– Так и есть, файл передал мне наш начальник департамента кредитования, Халилов Ильяс Аминович. А в чем дело-то?!

– Просто в качестве создателя поврежденного файла значится Зимина Яна Владимировна, – отозвался настороженно и нехотя отвернулся.

Яна пожала плечами:

– Ну, я же его к себе на диск копировала, потом сохраняла. Наверно, поэтому.

Мстислав посмотрел через плечо, оценивающе хмыкнул:

– Ты это серьезно сейчас говоришь? – пытливый и колкий взгляд. – А кто вообще касался этого отчета?

Яне стало не по себе:

– Ну, очевидно, сам Халилов, который файл и прислал, наш системный администратор Горн Андрей Иванович, возможно, сотрудницы отдела кредитования... Это так важно?

– Антивирусник у тебя какой стоит на компе?

Яна пожала плечами:

– Ты серьезно считаешь, что я должна это помнить? – у него брови поползли вверх, встали «домиком», парень смотрел, определенно ожидая ответа. Яна вздохнула: – Кажется, отдел закупок закупал систему Ион.

– Иконка в правом нижнем углу экрана – эн кириллицей, одна из вертикальных линий с точкой по примеру латинской ай, так? И все это внутри буквы О?

Молодая женщина неуверенно кивнула.

– Поня-ятно, – протянул он и странно улыбнулся уголком рта.

Яне надоела эта загадочность и многозначительные ухмылки, она раздраженно встала:

– Я на балкон выйду, если ты не против.

Компьютеры – это не ее сильная сторона. О чем Влад постоянно шутил. Не знает она, как там, внутри приглушенно гудящего аппарата, все устроено. Жаль, конечно. Но... каждому свое. Тем более бесит, когда говорят загадками с таким таинственным видом.

Молодая женщина облокотилась о подоконник, выглянула во двор. Парень с труднопроизносимым именем забрался высоко – семнадцатый этаж. Отсюда видны только макушки деревьев и крыши автомобилей размером со спичечные коробки. Город – словно виртуальная карта. До семнадцатого этажа не долетали ни его звуки, ни голоса людей и их суета. Больше всего здесь оказалось неба. Розовато-пепельное, в дымчатом кружеве закатных облаков, оно томно обнималось с волнами, уходя с ними за линию горизонта.

Наверно, в праздники здесь невероятный вид на город.

Балконная дверь скрипнула, пропуская хозяина всего этого великолепия.

– Любуешься?

– Любуюсь, – она даже не повернула голову в его сторону.

– Самый классный вид отсюда, когда праздники и салют над городом. Все точки видно, небо полыхает, и в волнах отражается. Знаешь, каждая вспышка так красиво рассыпается, заливают все кругом, – пробормотал с оттенком гордости.

Яна усмехнулась:

– Только что об этом же думала...

Он встал прямо у нее за спиной. Яна сразу почувствовала неловкость, хотела чуть отодвинуться в сторону, но не успела: его ладони уперлись в кирпичную кладку почти касаясь ее талии. Яна почувствовала его жаркое дыхание у виска, напряглась.

– Разве я давала повод думать, со мной *так* можно? – прошипела холодно, чеканя каждое слово.

Его губы касались уха, а слова обожгли шею:

– От тебя пахнет жасмином и еще чем-то... чем-то горьким... Миндаль? – прошептал, мечтательно потерся кончиком носа ее виска. Словно не слышал, не чувствовал ее раздражения.

Широкие, чуть шершавые ладони легли на бедра, неторопливо скользнули выше, под офисную блузку, привлекли к себе.

– Ну, это уже вообще ни в какие ворота, – Яна рывком развернулась, сбрасывая с себя чужие бесцеремонные руки. Развернулась и оказалась с ним лицом к лицу.

Не дав ей опомниться, он стремительно сократил расстояние между ними и поцеловал, жадно срывая дыхание, сминая хрупкие беззащитные плечи.

Ей потребовалось несколько мгновений, чтобы опомниться, и еще несколько – чтобы отпихнуть его от себя и размахнуться. Пощечина легла звонко, оставив алый след на щеке. Яна дышала тяжело и смотрела исподлобья, готовая к худшему. Руки дрожали, колени подкашивались, а по позвоночнику стекала липкая волна страха.

В груди кипело и обжигало холодом, сердце рвалось к горлу.

Парень порывисто выдохнул, будто собираясь нырнуть под воду. Дотронулся до припухшего отпечатка на щеке – рука у Яны с рождения была тяжелая. Подвигал челюстью. Скользнул пальцами по еще влажным и горячим губам. Тихо засмеялся.

– Ты чего дерешься? – примирительно прошептал. Покачал головой и ушел в комнату: – Забирай свою бутылку, все готово. И передай Горну мой пламенный привет... с кисточкой.

Яна прошмыгнула мимо парня, скользнула в комнату. На столе, посреди вакханалии из клавиатур, компьютерных мышей и планшетов, действительно, покоился ее диск-накопитель. Она схватила серебристую коробочку, замерла.

– Спасибо, – прошептала, не оборачиваясь. И сиганула к дверям.

Он наблюдал, как она торопливо зашнуровывает кеды, как в панике ищет на вешалке у входа джинсовку, которая покоилась на подлокотнике кресла здесь, в комнате, и улыбался мечтательно. Взгляд скользил от открывшихся из-под жесткого ворота офисной блузки позвонков на тонкой шее по плечам, талии, задерживаясь там, где больше всего хотелось касаться.

– Это ищешь? – он прислонился плечом к стойке дверного проема. В руке – ее куртка.

Яна протянула руку, застыла в нерешительности. Опасливо мазнула взглядом по дерзкой ухмылке, зацепилась за отчаянно светлые глаза, яркие, как омуты. Он смотрел долго, изучающе, будто фотографируя каждое ее движение, каждый поворот головы.

– Когда мы увидимся снова? – проговорил спокойно, будто ничего не произошло.

Она опешила, замерла на мгновение.

– Зачем?

– Ты мне нравишься, и я хочу тебя видеть.

Яна порывисто выдохнула, сделал шаг назад, к двери: она по-прежнему старалась держаться от него подальше:

– Слушай, я очень благодарна тебе за помощь. Я даже почти не сержусь за эту идиотскую выходку на балконе. Но мне это не надо, ты понимаешь? НЕ-НА-ДО! У меня, кроме шуток, семья и ребенок. Мне нафиг не нужна интрижка на стороне. Никакая. Ни с кем. Понимаешь?

Он склонил голову на плечо, кивнул:

– Так когда? Если ты не назовешь день, я назначу его сам. Последняя попытка взять инициативу в свои руки. Считаю до пяти. Раз. Два.

– Ты больной, да? – Яна с отчаянием отшатнулась.

– Три. Четыре. Последний шанс.

Она скрестила руки на груди и плотно сжала губы, посмотрела с вызовом. Он усмехнулся и отрезал:

– Пять, – вручил джинсовку и добавил вкрадчиво: – Я буду ждать тебя завтра у твоего дома, Яна Владимировна Зимина. Восемнадцать тридцать. Форма одежды – удобная.

Яна посмотрела на него холодно. Равнодушно пожала плечами и дернула за ручку входной двери. Конечно, та не поддалась. Яна дернула еще раз.

Парень подошел, положил горячую ладонь ей на поясницу, другой мягко надавил на золотистый рычаг и толкнул наружу:

– И не надо мне ломать дверь... До завтра.

9

Она поднималась в лифте, остро чувствуя голод и раздражение. Едва распахнув дверь, услышала шум воды в ванной и мятный аромат шампуня: Влад дома.

Данте уже растянулся на входе, сыто и сонно подмигнул и подозрительно принялся. Яна покосилась на собаку, пристроила джинсовку на вешалку, сама опустилась на круглый пуф под зеркалом, устала в пол. Что-то гадкое шевелилось в груди, растекалось бесформенной жижей, едкой, колючей и злой. Что-то, что заставляет ее снова и снова возвращаться к рубашке мужа, остро пахнувшей чужими женскими духами.

Лабрадор сочувственно вильнул хвостом, положил лобастую голову на колени, подставил макушку для рассеянных ласк.

Из ванны выглянул муж:

– О, Янка пришла! – странная привычка говорить о ней в третьем лице. Мокрая рука высунулась в коридор: – Данте, ты только что гулял, имей совесть! Янка, дай полотенце!

Яна встала, подошла к встроенному шкафу, вынула полотенце, красное, с золотистой колючей отделкой, которое муж терпеть не мог. Маленькая, но все же месть. Сунула в протянутую руку, не дожидаясь возмущений, прошла в кухню.

Секунда у окна, чтобы собраться с мыслями. Чтобы собрать себя.

Хлопнула дверь ванной. Спустя пару минут Влад заглянул в кухню:

– Короче, Жданов сволочь мерзопакостная, – с порога начал рассказывать он. – Контрактом по стадиону делиться не хочет ни в какую. Прикинь, Янка, я ему уже субподряд предлагаю и персонал на стаффлизинге. Это ж охренеть какое предложение – ни налогов, ни геморроя, все на Влада Петрова можно спихнуть. А он уперся рогом, и ни в какую.

Он распахнул дверцу холодильника, достал банку кефира. Сел за стол, придвинул к себе вазочку с сушками, откупорил банку и жадно отпил прямо из горлышка.

– Я с этим стадионом точно почки посажу, – вздохнул Влад, сунул в рот горсть сушек.

– Не таскай, – Яна отобрала вазочку, переставила на подоконник. – Я котлеты купила, будешь?

– Буду котлеты, – Влад задумчиво устался в пластиковую поверхность стола, уперся локтями. Он еще не старый, ее Влад. Немного начал лысеть, но в целом еще очень даже в форме. Серые глаза, внимательные, ласковые. Теплые руки, мягкие и заботливые. Ей с ним хорошо. Это она повторяла себе как мантру всякий раз, когда в душе селилась вот такая же мерзкая жаба, как сейчас.

Поставив сковороду на плиту, включила конфорку. Рядом пристроила кастрюльку для макарон.

Муж так и сидел за столом, задумчиво крутил в руках бутылку с кефиром. Яна подошла сзади, погладила по коротко стриженному затылку, чуть помассировала плечи, обняла. Влад перехватил ее руки, перевернул запястье, щекотно чмокнул.

– Не надо, Янка, не хочу ничего. Жрать и спать только хочу. Устал как собака.

Яна отстранилась. Невесомо похлопала мужа по плечу. Достала из шкафчика большую белую тарелку. Горкой выложила макароны, присыпала сверху черным свежемолотым перцем. Два малосольных огурца из супермаркета, две котлеты. Пуговками кетчуп по краю тарелки. Все, как он любит.

Влад все это время молчал, смотрел в пустоту перед собой. На тарелку среагировал равнодушно, методично отламывал вилкой куски котлеты, сердито жевал.

Яна пододвинула ему нож и стакан с томатным соком. Он никак не отреагировал, будто даже и не заметил, погруженный в свои мысли.

– Ирка говорит, что у нее все хорошо, – Яна попробовала отвлечь его. – Отчиталась, что лекарства пьет, ничего не болит.

Муж безучастно кивнул, отправляя в рот последний кусок котлеты:

– Большая девка-то у нас, – решительно отодвинул от себя пустую тарелку, встал. – Все, я спать.

Пару лет назад бы чмокнул в макушку. Сейчас отрешенно похлопал по плечу.

Прикосновения бывают разные. Одни обжигают, пробивают до дрожи, до полуобморока. До сдавленного свиста из легких. Другие – как урчание новорожденного котенка – ласкают, но не греют. Прикосновения Влада – как пуховый платок. Под ними уютно, от них тепло, но мысли уносятся прочь, а в груди становится тихо-тихо.

Яна помыла посуду, разобрала счета.

Набросала дочери сообщение, рассказала, что у них с папой тоже все хорошо.

Перед глазами промелькнул и погас пронзительно-ясный взгляд и такая земная улыбка. Парень с непроизносимым именем, странный, не укладывающийся в рамки и стереотипы. Стремительный и смелый.

«Все хорошо, – повторила себе, как мантру. – Все это стоит того, чтобы беречь и сохранять».

Под сердцем стало холодно и тоскливо. Что-то происходит. Что-то произошло. Но до нее пока доносятся только отдаленные раскаты и малиновые вспышки молнии из-за линии горизонта. Что бы это ни было, она знает, как с этим поступить.

Она расставила грязную посуду в посудомойке, засыпала порошок. Дождалась, за глухой пластиковой крышкой загудит вода. Без колебаний прошла в спальню, достала из ящика для грязного белья сверток мужниной одежды. Сунула в пакет для мусора и поставила перед выходом, предварительно плотно, с остервенением, завязав. Посмотрела на него победно.

Вот так-то лучше. Никаких следов. Никаких сомнений. Никакой грозы.

Вышла на балкон.

Залив давно спал. Притихли причалы. Тонкой оранжевой линией пролегли вдоль берега косые лучи прожекторов и маяка. Перемигивались с проблесковым огнями заходящих на посадку самолетов. Густой черной смолой вода ловила лунный свет, переплавляла его в тягучем вареве и превращала в придонные камни. Задумчиво выбрасывала на берег. Завтра придут на берег мальчишки, зашвырнут их снова на глубину. И так будет до тех пор, пока камни не перетрутса в песок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.